

УЧКУН НАЗАРОВ

ДОРОГА К ДОМУ

*Авторизованный перевод с узбекского
С. Шевелева*

I

Я отпустил машину — у меня уже вошло в привычку выходить здесь и дальше идти пешком. Сначала дорожка через кладбище, потом мостик над арыком, пересекаешь небольшую рощицу джиды, а там уж гордо поднимаются новые девятиэтажные дома-башни. В одной из них живу я. Вот уже два года я обычно возвращаюсь домой этой тропинкой: короче путь, печальная тишина кладбища вместо грохота и гари магистрали, но главное — могила Манзуры здесь; я останавливаюсь, смотрю, думаю... иногда беседую со стариком сторожем; он обязательно упомянет о том, что, поднявшись по привычке на рассвете, подмел возле могилы Манзуры, прочитал над нею молитву из Корана...

Быстро темнело.

Вечер выдался прохладный, осень уже давала себя знать, я поднял воротник, засунул руки в карманы плаща и, не спеша, двинулся по дорожке.

Гул большого города остался за спиной, отодвинулся лишь вороны возмутили вдруг грустное спокойствие кладбища встревоженным карканьем, покружили над деревьями и снова расселись на голых верхушках тополей. Я тихонько шел мимо могил, привычно ориентируясь в темноте, — и вдруг словно невидимая рука остановила меня. По спине поползли мурашки страха. Где-то впереди, но недалеко раздался тихий, словно приглушенный чем-то стон. Застыв на месте, я напряженно вслушивался. Стоны усилились, потом перешли в хрип, как если бы кого-то душили. Что было делать? Я вытащил из кармана перочинный нож и, осторожно вглядываясь в темноту, пошел на звук. Скоро я увидел впереди на земле что-то темное, а когда до этого темного осталось несколько шагов, я наклонился и всмотрелся, стараясь разобрать, что же это такое. На земле лежала женщина. Я чиркнул спичкой.

— Что с вами?

Уставившись на меня расширенными, безумными от панического страха глазами, она что-то пробормотала — я не смог разобрать ее слов, но все же понял, что она рожает.

Я бросился за помощью.

Вскочил на улицу — пусто, лишь на автобусной остановке две расфранченные девицы; одна все слюнявила палец и терла им сумку. Да, явно не те, что нужно... Оглянулся, на другой стороне улицы разглядел в полутьме силуэт — похоже, женщина. Бегом туда. И правда, тетушка лет за пятьдесят, засучив рукава, мыла под водопроводным краном потроха. Услышав, как я из темноты с разбегу кинулся к ней, испуганно подняла голову.

— Холаджан... тетушка... простите... — задыхаясь, торопливо выговаривал я, — там... на кладбище... у женщины начались схватки.

— Вай, беда на мою голову! Где, кто такая? — закричала тетушка и, не дожидаясь объяснений, бросилась бежать в сторону кладбища, на ходу вытирая подолом руки.

Я показывал дорогу.

Женщина торопливо что-то спрашивала, я же, не зная, что отвечать, невнятно бормотал себе под нос, пытаюсь объяснить, что совершенно непричастен к происходящему, случайно оказался свидетелем.

Когда я снова услышал стоны, я показал тетушке направление, а сам остался ждать в сторонке... ведь не уходить же было, не бросать их.

Женщина ушла в темноту, откуда теперь беспрестанно неслись придушенно-хриплые стоны.

Я отошел еще немного назад и стал ждать. Закурил, в темноте мне не видно было, что там делает пожилая женщина, только изредка доносились ее успокаивающий голос и невнятное бормотание роженицы.

Прошло еще немного времени, и в тишине вечера прозвенел крик новорожденного. Я словно сам избавился от страданий — с таким облегчением вздохнул.

Пожилая женщина подбежала ко мне и зашептала почему-то на ухо:

— Теперь суюнчи¹ с вас! Мальчик! Поздравляю с мальчиком!

¹ Суюнчи — подарок принесшему радостную весть.

Я не знал, что отвечать, и лишь вежливо улыбнулся. «Кто же эта молодая женщина? — вертелось у меня в голове. — Почему она не в роддоме, как очутилась на кладбище? Или просто не успела добраться? Да, но почему она здесь одна, никого рядом?»

Пока я пытался найти ответ на эти вопросы, новоявленная «повитуха» снова исчезла в темноте, вернулась — и протянула мне завернутого во что-то белое младенца. Я рот разинул от удивления, но не бросать же было этот «подарок».

«Повитуха» опять ушла, еще повозилась в темноте, вернулась, спросила:

— Где ваш дом, братец?

— Мой? — я не понял, почему она этим интересуется.

— Ваш, конечно. Ведь ее надо — в дом... Далеко ли?

— За арыком, с той стороны кладбища, — ответил я, совсем уже растерявшись.

— А, ну если так, хорошо... — женщина облегченно вздохнула. — Машину, я думаю, вызывать не стоит, сюда все равно не подойдет, а от кладбища вам рукой подать... Подождите еще немного, она чуть оправится — и пешком потихонечку доберется. Слава богу, что рядом...

Сказав так, женщина удалилась, а я остался ждать в темноте с притихшим младенцем на руках. Не прошло и десяти минут, как она вернулась обратно. Принесла большой алюминиевый чайник и еще что-то завернутое в скатерть. Склонилась над молодой женщиной, похоже, дала ей что-то выпить, затем, повернувшись ко мне, махнула рукой. Я отошел шагов на пятьдесят и, что она там делала дальше, не знаю. Младенец все раскрывал рот и вертел головой, иногда начинал пищать, а они все не торопились звать меня. Минуты тянулись. Наконец появилась спасительница-«повитуха», забрала у меня ребенка, исчезла. И снова пришлось ждать. Но вот она показалась снова, в руке болтается пустой чайник. Объявила:

— Идите к ней, все... осторожнее ведите ее. Хорошо, что дом рядом...

* * *

Когда мы, тихо-тихо ступая, медленно вышли с кладбища — я нес ребенка, мать тяжело опиралась о мою руку, — в доме моем в окнах уже не было света; в черном небе сияла луна. Молодая женщина остановилась и тяжело вздохнула.

— Присядьте вот здесь, отдохните,— я показал на доску, прибитую между двумя деревьями на берегу арыка.

Женщина с видимым облегчением опустилась на скамью. Я с ребенком на руках отошел немного и повернулся к женщине спиной, чтобы не смущать ее.

Ночь выдалась холодной, я дрожал мелкой дрожью — она, кажется, шла откуда-то изнутри.

Вдруг я услышал тихие всхлипывания. Обернулся — женщина спрятала лицо в ладонях, плечи вздрагивают.

«Только этого мне недоставало»,— с досадой подумал я и направился к ней.

— Отчего вы плачете? — спросил я; женщина, словно дожидалась моих слов, отчаянно зарыдала. Я растерянно стоял возле, не зная, что сказать.

Ребенок у меня на руках тоже заплакал. Ночь, луна, скамейка над арыком... и вместо романтической сцены — я, продрогший, и два теплых плачущих существа. Наконец всхлипывания стали тише; наплакавшись, женщина сама обратилась ко мне:

— Пусть судьба возблагодарит вас за все...— голос ее дрожал.— Я всегда буду помнить добро, которое вы для меня сделали, спасибо вам... только вы не задерживайтесь из-за меня, прошу... вас, наверное, ждут... а я здесь чуточку посижу еще и пойду...

— Как же я брошу вас? Сейчас выйдем на улицу, я вызову «скорую помощь».

— Нет-нет! — горячо возразила женщина.— Ни в коем случае! Умоляю вас! Вы можете идти, я сама доберусь как-нибудь до своего дома...

Меня крайне удивило как само это предложение, так и отчаянное волнение, даже надрыв в ее голосе; казалось, она сейчас снова заплачет.

— Почему вы так говорите? — тоном стараясь успокоить ее, спросил я.— Отчего вы не пошли в роддом?

Женщина помолчала, словно не решаясь отвечать, потом тихо сказала:

— Этот ребенок должен был умереть...— рыдания не дали ей договорить.

— Почему?! В чем он-то виноват? И перед кем?

— Иначе умереть придется мне! — сквозь слезы, но решительно заявила молодая мать.

— Ну что за вздор! — возмутился я.— Вы сами не понимаете, что говорите!

Женщина не отвечала. Я видел, что у нее нет сил

подняться и идти куда-нибудь со своим ребенком. Потом она вытерла слезы и взмолилась:

— Уходите, ради бога, уходите же!

— Пойдемте к нам,— неожиданно для себя предложил я.

Женщина открыла рот — и ни слова, молчала. Я почувствовал, что она уступает, осторожно взял ее за локоть.

— Соберитесь с силами, постарайтесь встать.

— Что скажут у вас дома, когда приведете незнакомую женщину, да еще в таком виде? Ночью...

— Это не ваша забота. Ну, поднимаемся?

II

Кое-как мы добрались до подъезда. Увидев, что в квартире пусто, незнакомка растерялась.

— Почему здесь никого нет? — спросила она испуганно, озираясь по сторонам.

— Я живу один.

Женщина недоверчиво улыбнулась.

Положив ребенка на диван, я сказал:

— Вы пока устраивайтесь, я зажгу газ в колонке, сейчас будет горячая вода.

Возвратившись через несколько минут, я вытащил из шкафа мохнатый халат Манзуры, махровую простыню и отнес все это в ванную.

Женщина с усилием поднялась, взяла ребенка и осторожно прошла мимо меня.

Я проворно сменил белье на постели и побежал на кухню. Поставил чай и принялся готовить рисовый суп. До меня доносились плеск воды и громкий крик младенца.

Прошло с полчаса.

Дверь распахнулась, на пороге показалась мать с ребенком на руках. Я рот раскрыл от удивления: передо мной стояла очень красивая молодая женщина, лет двадцати двух, не больше. Отяжелевшие от усталости веки, даже болезненная бледность лица — все, как ни странно, красило ее. Была в ней какая-то печальная, тихая прелесть...

И едва на ногах держалась, обессиленно прислонилась к дверному косяку.

Я пробормотал торопливо:

— Там постель... все уже приготовлено... идите ложитесь.

— Вы не беспокойтесь, пожалуйста... — Женщина явно чувствовала себя очень неловко. — Может, я прилягу пока

вот здесь, на диване? А как наступит рассвет, там будет видно...

— Не стесняйтесь, идите и ложитесь,— уже тверже повторил я.— Не то совсем без сил останетесь.

В общем, хоть она и смущалась и возражала, я все же отвел ее в спальню.

Когда я вернулся из кухни с горячим супом и чайником на подносе, она уже лежала в постели, завернувшись в одеяло. Увидев меня, виновато улыбнулась. Я подал ей касу¹, и она съела немного супа. От горячего ей, видно, наконец-то стало тепло, на лбу выступила испарина, она поставила еще почти полную касу рядом с собой на стул и в изнеможении откинулась на подушку. Я смотрел на нее — и острое чувство жалости проснулось вдруг во мне. Хотелось расспросить ее, почему оказалась одна, без помощи в беде, отчего хотела убить своего ребенка, почему пряталась от людей, но, боясь причинить ей душевную боль, я только молча смотрел, не мог отвести взгляда от ее измученного лица.

Веки ее задрожали, она приоткрыла глаза.

— Устали вы, наверное, из-за меня. И зачем только вы привели меня к себе домой?.. Если бы я достойна была такого участия...— у нее не хватило сил договорить, слова заглушались судорожными всхлипываниями.

— Не надо, не плачьте,— попытался я утешить ее.— Сейчас вам нужно отдохнуть — о прочем поговорим завтра. Спокойной ночи!

Я поднялся и вышел в соседнюю комнату.

Растянулся на диване.

Что же теперь будет? Хорошо, пусть она поживет у меня неделю-полторы, а потом, надо полагать, все уладится и она вернется к себе домой.

Интересно, кто она такая? Работает? Учится? Кто ее родители? Кто этот мужчина, который стал причиной ее страданий, почему оставил ее в беде одну?

За размышлениями я даже не заметил, что в окне посветлело. Плач младенца вернул меня к действительности. Взглянул на часы: начало восьмого. Заварив чаю, я вошел в комнату к незнакомке.

Она кормила ребенка. Увидев меня, быстро прикрыла грудь.

— И зачем вам было беспокоиться, вот ведь у меня еще полная пиала!

¹ К а с а — чаша, большая пиала.

— Заварил вам свежего,— объяснил я, ставя чайник на стул. Взял чистую пиалу, положил сахару.— Попробуйте горячего, сладкого — сразу сил прибавится.

Бросив на меня благодарный взгляд, женщина приняла пиалу и стала пить из нее маленькими глотками. Спихватилась:

— А сами-то вы поели?

Я неопределенно мотнул головой, что можно было истолковать как «да», и, ожидая, когда она возвратит мне пустую пиалу, на минуту задержался возле ее постели.

— Что вы делали на кладбище ночью? — спросила она, укладывая младенца рядом с собой.

— Возвращался домой.

Женщина смотрела, не понимая.

— Там могила моей жены... — я невесело улыбнулся. — Обычно хожу этой дорогой.

— И давно она... умерла?

— Скоро два года.

— А дети у вас есть?

— Жена должна была родить... мы даже приготовили все для ребенка. Только сердце у нее большое было, не выдержало.

Женщина горестно охнула, помолчала, потом указала взглядом на портрет на стене:

— Она?

Я кивнул.

— Бедная... Красивая была...

Я спросил:

— Хотите еще чаю?

В этот момент малыш повернул головку в ту сторону, где его щеки касалась пеленка, и принялся хватать ее ротиком, потом беспокойно заворочался. Мы оба невольно улыбнулись такому проявлению аппетита, понимающе переглянулись. Но молодая мать тут же перестала улыбаться, взгляд ее потемнел.

— Мальчик... оказался... — тихо сказала она и отвернула лицо от меня. Поняв, что ей надо выплакаться, я тихо вышел.

III

Я брился, когда с улицы послышался сигнал машины. Выйдя на балкон, я сказал водителю, что скоро спущусь, и отправился в ванную. В глаза мне бросился ворох гряз-

ной одежды, кое-как завязанной в узел. Умывшись, я занялся приготовлением завтрака. Сам закусил чем бог послал, прямо на кухне, а для гостыи приготовил омлет и отнес его с кипяченым молоком к ней в комнату. Женщина спала; похоже, ей большую часть ночи пришлось провозиться с ребенком и только сейчас удалось сомкнуть глаза. Я не стал будить ее. Поставил поднос с едой на стул возле постели, накрыл салфеткой; встанет — позавтракает. Оставил записку — несколько слов: чтобы поела (запасы — в холодильнике) да не вставала с постели; что белье для малыша — на стуле, что я уезжаю на работу, вернусь вечером. Принес и положил рядом стопку пеленок, чистую марлю — все это лежало нетронутое два года... Запер квартиру и вышел. Ключи были у меня, так что я мог не беспокоиться за свою гостью; даже если захочет сделать глупость, сбежать, — выйти не сможет.

На работу немного опоздал. Секретарша сообщила, что меня только что спрашивал директор. В директорском кабинете, кроме хозяина — Нишанова, меня ожидала и главный технолог нашей фабрики Зарифахон.

— Предложение наше одобрили на коллегии министерства, — сообщил Нишанов радостно-приподнятым тоном. — Теперь нужно подготовить расчеты. Придется поторопиться, ибо, как вы сами знаете, если мы выпишем станки из Ленинграда, необходимо пораньше подать заявку. В Ленинграде должны успеть включить наш заказ в план выпуска продукции.

Я пообещал завершить расчеты к концу недели. Затем мы обсудили некоторые наши внутренние фабричные дела, и я ушел в свой кабинет. Сделав все необходимое по службе, съездил в Гипропроект, затем еще успел в строительный трест и оттуда отправился домой.

Сегодня я не стал выходить у кладбища, а проехал прямо к дому. Увидев льющийся из моих окон свет, я понял, до чего же мне осточертело возвращаться вечерами в темную квартиру. Свет в окнах показался мне — сам не знаю почему — предзнаменованием чего-то хорошего. С легким сердцем поднялся по лестнице, отворил дверь и прошел прямо в ту комнату, где лежала женщина. Представляю, каково ей было целый день одной в чужой пустой квартире, слабой и беззащитной, как ее новорожденный. Во всяком случае, увидев меня, она просияла. Краснолицый младенец преспокойно почивал рядом с матерью. Кажется, я тоже разулыбался во все лицо.

— Ну, как дела? — бодро спрашивал я, самым тоном

отвергая всякую, даже отдаленную возможность неблагополучия.

— Ничего... С этой писклей не соскучишься.

— Вы ели что-нибудь, не голодны?

— Спасибо вам, вы же приготовили мне поесть... а днем я еще пила чай.

— Прекрасно! — заключил я, снимая плащ. — Что приготовить теперь?

— Ужин скоро поспеет, — объявила женщина и застенчиво улыбнулась.

— Зачем же вы поднимались! — пожурил я ее. — Ведь я предупреждал, что все сделаю сам.

— Ничего страшного, это же не тяжело, вода и газ под рукой... Я и не устала...

Что было ей отвечать! Только посмотрел укоризненно — и отправился на кухню.

— Вы чудесно готовите, очень вкусно, спасибо, — поблагодарил я ее, когда мы вместе поужинали. Некоторое время я смотрел на нее, размышляя, достаточно ли она успокоилась и пришла в себя, чтобы можно было поговорить всерьез, а потом прямо спросил: — Теперь, может быть, вы откроете мне наконец, как вас зовут?

Женщина подняла голову и тихо ответила:

— Надира...

Ребенок проснулся и тихонечко заскулил, но, видно, стесняясь кормить его при мне, Надира замешкалась, нерешительно поглядывая то на меня, то на ребенка. Забрав касы, я вышел из-за стола. Надира сказала вслед:

— Поставьте в раковину, я покормлю, потом сама вымою их.

— Не думайте об этом, я и сам справлюсь, — успокоил я ее и вышел.

Возвратившись минут через пятнадцать, я увидел, что она перепеленывает младенца.

— Надира, если вам что-нибудь понадобится, прошу вас, говорите без стеснения, я ведь сам могу и не догадаться. И потом... рядом живет мой друг, он хороший врач, я попросил его зайти.

— Ничего не нужно... — смутилась Надира. — Не беспокойтесь так о нас... Потом... я думаю, может быть, мне лучше уйти завтра... Сегодня уже поздновато...

— Куда вы хотите уйти? — спросил я.

Надира задумалась.

— Откровенно говоря, еще не знаю. Может быть, к одной из моих подружек...

— Прошу вас, не думайте пока об этом, окрепнете, тогда посмотрим.

— Представляю, как проклинают меня мои домашние...— Надира тихонько вздохнула.— К родителям мне теперь нет возврата. Если только в махалле¹ пройдет слух, что я убежала из дома, родила,— переполох будет на весь мир. Отец оторвет мне голову — при всем народе. Да, не сладко им теперь... Нет, домой я никогда не смогу вернуться. Попрошу место в общежитии. Хотя бы дали...

— А где вы работаете?

— Окончила техникум, работала в почтовом отделении,— рассеянно ответила Надира, перевела взгляд на ребенка и продолжила: — Упустила время... Начались сильные головные боли. Сказали, что это осложнение после гриппа. Два месяца пролежала в больнице. До сих пор жалею, что не сотворила там же что-нибудь над собой. Тогда люди в махалле думали бы, что умерла от болезни. Но нет, где-то в уголке сердца у меня жила надежда, я все еще верила... Теперь-то знаю, что совершила ошибку. Так все и покатилося, все рассыпалось у меня... просто судьба злосчастная...

— А что сказал тот... отец?

Брови Надиры сдвинулись, она отвернулась от меня.

— Его я больше не встречала... Да и кому теперь жаловаться, чего плакать — сама виновата. Поверила его обещаниям, лучше бы уж действительно помереть мне... теперь только и остается — либо тайком от всех, даже от домашних, уехать в другой город, либо уж совсем отказаться от жизни...

Надира заплакала. Я искал и не мог найти слова утешения. Но надо же было хоть как-то поднять ее дух, поддержать ее...

— Не убивайтесь так, авось найдется какой-нибудь выход,— нерешительно говорил я.— Вы еще так молоды... все у вас впереди... И потом, какой бы ни был тот человек — ребенок-то это ваш собственный, как же можно желать ему плохого?..

Надира сидела на постели, низко опустив голову, и плакала.

Я поднялся.

— Вы еще не оправились, ложитесь, не то совсем выбьетесь из сил. Если что-то понадобится, зовите, а сами не вставайте, сплю я чуток, проснусь легко.

¹ М а х а л л а — городской квартал.

Я вышел, оставив дверь слегка приоткрытой.

Постоял на балконе, покурил, подумал. Жизнь так иногда обходится с нами... но во всех ситуациях надо оставаться человеком.

Время летело незаметно. Я лег, но спал тревожно, просыпался и всегда слышал плач ребенка. Однако ни разу Надира не позвала меня помочь и ничего не попросила.

Так прошло четыре дня.

IV

До самого вечера я был занят на фабрике, но мысли о доме не покидали меня. Мысли являлись до того противоречивые, что у меня голова пухла. Никак я не мог ухватить ниточку, чтобы размотать проклятый клубок, найти разумное решение. Спрашиваю себя беспрестанно: что же теперь будет делать Надира? То прихожу к решению отвезти ее домой, пусть испытает все, что причитается, что суждено ей. Но как же тогда придется ее бедным родителям! А что с ними сейчас? Неужто им теперь легко?.. Потом начинаю думать, что лучше бы ей действительно пожить пока что подальше от родной махаллы. Но где?

День выдался напряженный, я выехал домой позже обычного и тут же увидел на тротуаре Зарифу. Остановив машину, я окликнул ее:

— Садитесь, подбросим вас.

Зарифа без возражений села рядом со мной. Тронулись.

Мы с Зарифой оба молчали — как будто между нами черная кошка пробежала. Занятый своими мыслями, я не видел ничего вокруг, только раз почувствовал, что Зарифа смотрит на меня. Впрочем, она вела себя тактично и, когда я с ощущением неловкости обернулся к ней, сделала вид, будто разглядывает что-то на улице. Она чувствовала мою тревогу и растерянность, раза два словно бы собиралась спросить о чем-то, но не осмелилась.

— Что-то вы невеселы сегодня, Сабит-ака?.. — решила она наконец.

На секунду я смешался, не зная, что ответить.

— Устал, наверное...

— Давно уже мы с вами не виделись... — тихо укорила Зарифа.

— Ну что вы говорите! Ведь по сто раз на дню встреча-

емя. — Я притворился, будто не понимаю скрытого смысла ее слов.

Зарифа лишь улыбнулась, но в улыбке ее была тревога.

После смерти Манзуры я какое-то время находился в прострации, все на свете было мне безразлично. Мы с женой были очень близки, и теперь я остался совершенно одиноким и не подготовленным к этому одиночеству. Не стало близкого человека, которому я посвящал все свободное время; не говорю уже о том, что ни развлечений, ни веселья не было больше в моей жизни. Только работа. Привез было из кишлака свою мать, но она не смогла пробыть у меня долго, — видно, слишком привыкла к вольной жизни на свежем воздухе, в городе начала часто болеть. Пришлось отвезти ее обратно в кишлак. В это тяжелое время я по-человечески сблизился с Зарифой — то ли ее мягкий характер и тактичность сыграли роль, то ли скромная непритязательность. Вот уже скоро полгода, как мы иногда встречаемся после работы, гуляем с ней по городу, болтаем о том о сем, и я не так остро чувствую тоску одиночества.

Кажется, я допустил бестактность. «Сто раз на дню» — это, пожалуй, даже грубовато вышло, — во всяком случае, Зарифа сразу замолчала. Я почувствовал неловкость, даже стыд, но не старался загладить свою оплошность. Не хотелось затевать разговор, а усложнять его — тем более.

Во весь дальнейший путь мы не проронили ни слова. Когда машина остановилась возле ее подъезда, Зарифа, уже открыв дверцу, спросила:

— Наверное, у вас накопилось много белья для стирки?

— Спасибо... соседка уже постирала... — поспешно отозвался я.

— Ведь просила же — скажите, когда наберется, — обиделась Зарифа.

Я только виновато улыбнулся в ответ.

Попрощавшись, Зарифа вышла из машины.

Возле дома я зашел в магазин, потом в аптеку и, нагруженный свертками, поднялся в свою квартиру.

Еще на лестнице я услышал сердитый плач младенца.

Сложив покупки на кухне, я раздевался в коридоре, когда из ванной показалась взлохмаченная Надира. Увидев меня, поспешно запахнула халат поплотнее и открыто и доверчиво улыбнулась мне.

За ее спиной через полуотворенную дверь ванной я увидел развешанные пеленки.

— Кажется, скучать вам некогда?

— Малыш плачет, совсем замучил, — пожаловалась Надира. — Может, у него болит что-то...

— Сейчас посмотрим, — сказал я и пошел в спальню. Надира за мной. — Если нужно, вызовем врача.

Младенец исходил криком.

— А если он голодный? — предположил я.

— Сколько же можно есть? — удивилась Надира. — Хотя... уже часа два прошло.

Я молча вышел на кухню, развернул свои покупки, добыл соску, вымыл ее и, вернувшись, дал малышу. Тот звучно зачмокал и сразу успокоился.

— Имя вы ему придумали? — спросил я у Надиры.

Она застенчиво потупилась:

— Как вы скажете, так и будет.

Я недолго раздумывал:

— Давайте назовем его Бахтияр — Счастливый!

Надира согласно кивнула.

— Пусть он будет счастливым, маленький Бахтияр! — уже тверже заключил я.

V

Прошла неделя. Щеки Надиры из мертвенно-бледных сделались нежно-розовыми, она значительно окрепла. Правда, я видел, что настроение у нее плохое, тоскливое. Когда я возвращался с работы, она старалась выглядеть довольной и спокойной, держалась приветливо, но я чувствовал, каких усилий ей это стоит. Чувствовал — и бессилен был помочь ей. Накупил для маленького Бахтияра распашонок и ползунков, думая этим развлечь и утешить Надиру, но покупки пришлись не впору, все оказалось слишком большое. Посмеялись, и снова Надира погрустнела. «Не скоро пригодятся — сколько времени ждать... его еще прожить надо», — сказала.

Прошло еще несколько дней. Как-то так само собой получилось, что за, в общем, очень небольшое время я не только привык, но и привязался к своим «гостям». Обнаружил вдруг, что еле-еле могу дождаться конца рабочего дня; освободившись от дел, тороплюсь не куда-нибудь, а побыстрее домой, на лестнице перепрыгиваю через несколько ступенек, радостный, влетаю в квартиру. Слышу льющуюся из радиоприемника музыку, бульканье варящегося в котле ужина, вижу светлеющее лицо Надиры, шевелящего ручками и ножками распеленатого Бахтия-

ра — и чувствую себя счастливым. Мир вдруг делается прекрасным, жизнь окрашивается в яркие тона.

Настал день, я вошел утром к себе в кабинет — и вижу: на моем письменном столе цветы в вазе и рядом коробка. Я искренне удивился. Открыл коробку — там оказалась электробритва и лежала записка: «Поздравляю с днем рождения. Желаю счастья!» Конечно, это Зарифа. Чуткий, прекрасный человек. И вот ведь — сам я позабыл о собственном дне рождения, а Зарифа помнит.

После работы с бутылкой шампанского и коробкой шоколада я поднялся к себе домой. Открыл дверь, смотрю — в комнатах темно. Ни плача Бахтияра, ни музыки из радиоприемника! Мертвая тишина. У меня сердце упало. Зажег скорее свет, бросился в спальню. Никого. Кровать, на которой спала Надира, застелена. В ногах оставлен мохнатый халат Манзуры. Огорошенный, растерянный, я вышел в свою комнату. На столе — листочек бумаги. Записка. Схватив, пробежал взглядом:

«Сабит-ака! Прошу Вас, не посчитайте мой уход проявлением неуважения к Вам. Просто я не знаю, как сделать иначе. До каких пор можно оставаться обузой! Ведь даже самые большие доброта и заботливость — не бесконечны. И я должна об этом помнить. Что скажут Ваши знакомые, друзья? Ведь, по сути, я для Вас посторонний, случайный человек, зачем же Вам к своим заботам прибавлять еще новые! Вы сделали для меня много доброго. Не знаю, что стало бы со мной, если бы не вы, — тут и объяснять ничего не нужно. Я буду помнить Вас столько, сколько буду жить. Я еще никогда не встречала такого человека, как Вы. Я посвящу всю свою жизнь тому, чтобы вырастить моего Бахтияра таким же благородным человеком, как Вы.

Если бы я спросила Вас, Вы бы, я знаю, не разрешили мне уйти. Только поэтому я ухожу тайком. Простите меня. Простите, если я этим обижаю Вас, — что я могу сказать в свое оправдание...

Прощайте. Пусть Ваша жизнь будет долгой. Будьте счастливы!

Надира».

Я как сел у стола, так и просидел сам не знаю сколько. Когда наконец взглянул на часы, оказалось, что уже больше двенадцати. Не раздеваясь, я прилег на диване.

Несколько следующих дней я ходил сам не свой. Настроение было отвратительное. Все валилось из рук. Уж не помню, что и как говорил людям; приходилось делать над собой усилие, чтобы взяться за работу. Беспреданно курил. Даже милый голосок Зарифы теперь резал мне ухо. Окружающие сочувственно перешептывались. Тем, кто вдруг начинал осведомляться о моем здоровье, я отвечал, что просто устал без отпуска. Я, конечно, не был болен, но и здоров, видимо, тоже не был.

Как-то раз я ушел с работы пораньше, вернулся домой, лег на диване, неспособный что-либо делать, что-то предпринять. Вдруг пришла Зарифа. Пыталась разговаривать, развеселить меня, но я оставался безучастным; почувствовав мою холодность, она вскоре ушла.

Может быть, Зарифа-то и подтолкнула меня — сейчас уж трудно сказать.

Наутро я не пошел на работу, а стал одно за одним обходить почтовые отделения. Потратив полдня, я наконец-то напал на след Надиры. В почтовом отделении на Куйлюке молоденькая голубоглазая девица, загадочно понизив голос, принялась допрашивать меня: «Кто вы? Кем вам доводится Надира? Для чего нужна вам?» Я рассказал обо всем, как оно было на самом деле. Ну, понятно, не совсем уж обо всем, а почти. Девица не поверила. Кажется, она решила, что родители Надиры заявили в милицию, и вот я хожу и расследую.

— Если вы все же увидите с Надирой, передайте ей, что я приходил. Передайте, что беспокоюсь, как приняли, не обидели ли ее родственники,— попросил я в конце концов и, обескураженный, повернулся, чтобы идти, но голубоглазая девушка вдруг остановила меня:

— Скажите правду, вы и есть тот самый человек? — она испытующе смотрела мне в глаза.

Я поклялся — именно тот самый!

— Надира не хотела возвращаться домой,— заговорщическим шепотом сообщила девушка.— Сначала она встретила со мной. Я ей рассказала, что отец ее все стоит на своем и отвернулся от нее, и тогда она не поехала к себе. Сейчас живет у меня, но об этом никто не знает.

Волна радости окатила меня.

— Что же вы молчали! — выкрикивал я это или что-то столь же бессмысленно-счастливое.

— Тс-с! — голубоглазая беспокойно оглянулась, явно

опасаясь, чтобы нас не услышали.— Если хотите что-нибудь передать ей, говорите...

— Я должен увидаться с ней сам, что еще за разговоры через третьего человека! — нетерпеливо прервал я девушку, стараясь скрыть охватившее меня волнение.

Подружка, кажется, смягчилась,— во всяком случае, она сделала знак следовать за ней. Мы долго шли по каким-то узеньким кривым улочкам, пока, наконец, не уперлись в калитку ее дома. Сердце у меня бешено колотилось.

Надира была во дворе — склонилась над тазом на табуретке и стирала. Увидев меня, она застыла, с рук капала мыльная пена...

Я никак не мог собраться и сказать что-то осмысленное.

— Ну вот, как хорошо... все у вас в порядке,— выдавил наконец я.

Надира смотрела растерянно и грустно.

Она первая овладела собой — рассмеялась:

— Нашли все же!

— Я очень беспокоился о вас...

Машинально вытирая мокрые руки, Надира не сводила с меня вопрошающего взгляда, и я читал в нем: «Неужели!»

— Проходите в дом, пожалуйста,— спохватилась она.

— Я только на минутку... взглянуть и узнать, как у вас... все ли в порядке. Теперь я не беспокоюсь...

— Спасибо вам...

«Собирайтесь, я увезу вас»,— слова эти вертелись у меня на языке, но подруга была тут же, во дворе, и я стеснялся ее. Почувствовав мою скованность и замешательство, Надира быстро глянула на свою подругу, и та, сообразив, скрылась в доме. Теперь Надира повернулась ко мне и, смущенно улыбаясь, посмотрела вопросительно. Я старался выглядеть спокойным и уверенным, но, кажется, у меня плохо получалось. Голос предательски дрожал.

— Как Бахтияр?..

— Хорошо...

— Холодно, не простудите...— и больше я ничего не мог выговорить.

Надира, растерявшаяся не меньше моего, согласно кивнула:

— Постараюсь...

Я не знал, что еще сказать ей. Все слова вдруг обесценились в сравнении с тем, что происходило. Мне показалось, что Надира понимает, с какой целью я пришел к ней,

но не смеет мне помочь, а я не мог решиться, язык словно бы перестал повиноваться мне

Мы оба молчали.

Тоска одиночества вдруг сжала мне горло. Заставив себя улыбнуться, я взглянул Надире в лицо.

— Ну ладно, пойду я... Пусть у вас все будет хорошо... — и повернулся к выходу со двора.

Надира проводила меня до калитки, мягко поблагодарила:

— Спасибо вам за то, что пришли.

Я лишь усмехнулся, стыдясь своей неожиданной немоты, и вдруг решил:

— Если вы согласитесь, я увезу вас к себе домой.

Опустив глаза, Надира молчала.

Я подождал, потом попрощался — что мне еще оставалось?

Надира так и не подняла головы.

VII

То ли и взаправду так, то ли оттого, что у меня было скверно на душе, но показалось мне, что дел накопилось выше головы. Разговор с Надирой неожиданно обескуражил меня, и, чтобы не изводить себя сменой надежд и разочарований, я окунулся в работу, утонул в ней — и вынырнул на поверхность и огляделся, лишь когда уже стемнело. Еще днем я отпустил своего шофера, поэтому пустился в обратный путь пешком. Пронизывающий холод заставлял идти быстрее; похоже было, что выпадет снег. Оголившиеся ветви деревьев хлестали друг дружку под ветром, стараясь сбить последние, непонятно как удержавшиеся сухие листья. Людей на улице не было, непогода всех разогнала по домам. Через час пути я добрался до кладбища. Повернул на знакомую тропинку. Тихо. Только вой ветра слышится.

В доме моем большинство окон уже темные, лишь витрина магазина празднично сверкает. В подъезде тускло светит одинокая лампочка; поднимаясь, нужно смотреть под ноги. Когда, помню, повернул на площадке — последние девять ступенек до квартиры остались, — вздрогнул от неожиданности: у двери сидела на корточках Надира, прижимая к себе ребенка. От радости я не мог и слова сказать, лишь бормотал что-то нечленораздельное. Наконец я догадался отворить дверь:

— И давно вы ждете здесь?

Надира, смущаясь, молча кивнула.

— Пойдемте скорее, — я помог ей подняться, взял под руку, — замерзли, наверное.

Мы вошли в квартиру.

Надира занялась ребенком, покормила и уложила его, потом, став перед зеркалом, принялась расчесывать волосы. Я отправился на кухню готовить ужин. Засыпал в котел рис, поставил плов томиться на медленном огне; увидел в холодильнике так и оставшуюся не открытой в день моего рождения, завернутую в бумагу бутылку шампанского — откупорил. Наполнил два бокала, принес, один протянул Надире.

— Нет-нет, что вы, бог с вами, я не буду пить, — отказалась она, растерянно хлопая ресницами.

— Ну как же... нельзя не выпить, — настойчиво уверял я, — за ваше возвращение, за Бахтияра! Поднимайте!

Надира, стесняясь, приняла из моих рук бокал.

— Только я не смогу все... Один глоток, ладно? — попросила она.

— Да сколько сами захотите... Хоть пригубите!

Мы чокнулись и как стояли возле стола, так, не присаживаясь, принялись маленькими глотками тянуть шампанское. Я увидел в глазах Надиры радостные искорки, и на душе у меня сделалось легко, пришло ощущение праздника. Хотелось даже поднять Надиру на руки и покружить по комнате. Расстегнув тугий воротник рубашки, я спустил узел галстука и, напевая себе под нос привязавшуюся модную мелодию, отправился на кухню, чтобы выложить уже готовый плов на блюдо. Плов получился отменный. Приготовив стол, я снова наполнил свой бокал и чокнулся с бокалом Надиры — там еще оставалось немножко шампанского. Надира снова стала отказываться, но я настаивал.

— Да вы не бойтесь, это же шампанское, от него крови больше станет, — повторял я то, что обычно говорят в таких случаях. — Здоровее только сделаетесь, сил прибавится!

Я выпил, Надира тоже справилась со своим бокалом.

— Ну вот, молодчина!

То ли от моих похвал, то ли под действием вина Надира покраснелась, ее черные глаза загорелись ярким блеском. Она, казалось, забыла о тяжелом, и красота ее расцвела на глазах. Я засмотрелся на нее, в ответ она смущенно, застенчиво улыбнулась.

— Прошу вас, попробуйте плов,— сказала она, чтобы отвлечь мое внимание,— видно, я слишком откровенно любовался ею.

Мы принялись за плов, а потом я почувствовал, что у меня стали слипаться глаза. Посмотрел на часы — оказалось, третий час ночи.

Тут еще проснулся Бахтияр, заплакал. Я лег и скоро заснул, но спал беспокойно и слышал, что Надира ходит с ним по комнате из одного конца в другой, не спускает с рук,— похоже, оберегает мой сон. Мне стало жалко ее — ведь ни на минуту глаз сомкнуть не удалось. Я поднялся, пошел к ней.

— Отчего вы не спите? — растерялась Надира.— Мы, наверное, отдохнуть вам не даем?

— Я-то поспал, а вот вы, кажется, и не ложились,— поспешно возразил я.— До рассвета еще час-полтора. Ребенка дайте мне, а сами постарайтесь вздремнуть.

— Нет! Что вы! — испуганно отказалась она.— Вам утром на работу, вы должны спокойно выспаться. А я могу отдохнуть и днем...

— Днем — это совсем другое дело, да и не выдержите вы, если спать не будете...— Я протянул руки: — Давайте Бахтиярчика, я все равно не сплю, посмотрю за ним. А вы ложитесь, постарайтесь заснуть.

Неожиданно Надира каким-то словно бы безотчетным, доверчивым движением передала мне ребенка: кажется, она даже растерялась, не понимая, как это у нее получилось. В ее глазах блеснуло тепло признательности, и я почувствовал, что и в душе ее тоже проснулось теплое чувство.

VIII

Бахтияр стал подолгу разглядывать нас, улыбаться, с ним становилось интересно. Если раньше я обедал на фабрике, то теперь у меня вошло в привычку приезжать днем домой — так мне хотелось видеть малыша.

Как только войду в комнату, беру его на руки, не могу удержаться, даже если он спит. Надиру это, кажется, радует. Не успеваю оглянуться — перерыв уже кончается, пора ехать на фабрику.

Сегодня после конца работы заглянул в магазин, купил целую кучу игрушек-погремушек. Выхожу на улицу, смотрю — возле машины стоит Зарифа и болтает с шофером. Меня словно ледяным душем окатило. «Постою-ка лучше,

пережду в магазине», — подумал я и только повернул обратно, как Зарифа посмотрела в мою сторону. А, была не была, пошел к машине. Увидев в моих руках игрушки, Зарифа улыбнулась:

— У кого-то из ваших друзей прибавление в семействе?

— У меня самого.

Зарифа приняла сказанное за шутку.

— Значит, вас можно поздравить? А когда торжество — сегодня?

— Поздравить можно. Поехали, отпразднуете вместе с нами, — пригласил я и сложил покупки в машину.

Безмятежная улыбка на лице Зарифы погасла, глаза сверкнули тревожным блеском.

— Значит, чужие дни рождения отмечаете, только о собственном забыли?

— Этот — не чужой.

— А чей же?

— Моего сына.

— Шутите?

— Нет. Если не верите, поедем — посмотрите.

Зарифа смешалась, но из гордости постаралась скрыть растерянность, попробовала улыбнуться. И все равно видно было, что нервничает.

— Значит, вас и вправду можно поздравить? — голос ее дрогнул.

— Можно...

— Так вот какими делами вы занимаетесь тайком от друзей, а? Вообще-то я и сама предполагала... раз уж вы забыли обо всех других...

— Мне нечего скрывать от друзей. Я ничего такого не сделал, чего надо было бы стыдиться.

— Ну конечно... — Зарифа холодно кивнула. — Конечно... Прощайте, извините, что отняла у вас столько времени, я не предполагала...

— Ничего страшного, — ответил я мягко.

На глазах девушки выступили слезы, и, чтобы не показать их, она поспешила скрыться за спинами прохожих.

Придя домой, я застал Надиру возле ребенка. Подперев голову рукой, она лежала с малышом на тахте, смотрела — и лицо у нее было грустное.

Вот уже скоро два месяца, как Надира пришла в мой дом. Иногда я вижу ее веселой и радостной, она расцветает и хорошеет, но вот снова припомнит свои горести, вернется к ним — и опять делается замкнутой и печальной. Я знал,

что ее беспокоит больше всего: родители. Думая о них, она не может заснуть.

Утром, собираясь выйти из дома, я передал Надире листок бумаги, над которым долго думал ночью.

— Это письмо вашему отцу,— объяснил я.— Если вы согласны, так и сделаем. Надпишите адрес и отправляйте.

Надира пробежала взглядом написанное и быстро и испуганно посмотрела на меня. Из ее глаз брызнули слезы. Потом она бросилась мне на грудь...

IX

Зарифа вышла из штамповочного цеха и, сделав вид, что не видит меня, направилась к сырьевому складу. Я занялся вентиляционными трубами. Через некоторое время она вернулась и сообщила мне, что несколько кусков кожи были оставлены на цементном полу и отсырели. Теперь эту кожу уже нельзя пускать на обувь. Во-первых, ее тяжело кроить на станках, а во-вторых, сшитая из нее обувь садится. Заведующий складом жаловался, что помещение тесное — оттого все и получилось. Отдав необходимые распоряжения, я попросил Зарифу зайти ко мне до конца рабочего дня и отправился на стройку, где возводился наш новый цех.

Ближе к пяти Зарифа заглянула в кабинет:

— Чем могу быть полезна?

— Я хотел бы поговорить с вами, давайте пройдемся после работы, время у вас, надеюсь, найдется? — я старался выглядеть беспечным.

— Хорошо,— радостно согласилась девушка, но тотчас осеклась: — А если ваши домашние беспокоятся станут, что тогда будет, выговор не получите?

Я усмехнулся, но ничего не сказал.

* * *

Мы медленно шли вдоль принарядившихся в первую весеннюю зелень похорошевших улиц. Я люблю наш город, его улицы, вечернее убранство его широких проспектов. Люблю стройные высокие мачты фонарей, тянущиеся двумя рядами вдоль тротуаров. А когда лампы наполняются мягким сиянием, а в небе зажигаются звезды, мне кажется, что освещенная молочным светом улица уходит прямо в небо, теряется среди звезд.

По дороге мы болтали о чем угодно, только не о наших

личных планах и проблемах — этой темы мы старательно избегали. И мне не могло не вспомниться — какой же открытой и дружелюбной была Зарифа со мною раньше, с каким жадным вниманием слушала меня, о чем бы я ни говорил; теперь же она держалась подчеркнуто независимо, и лишь иногда, сменяя маску безразличия, в лице ее проскальзывала растерянность.

— Вы обещали о чем-то поговорить со мной, кажется... — напомнила она, стараясь иронией замаскировать тревогу.

— Даже не знаю, как объяснить вам... — вырвалось у меня.

— А вы не мучайтесь зря, говорите прямо.

— Вы знаете, Зарифа, как я к вам отношусь...

Зарифа только иронически хмыкнула; она шла рядом со мной и делала вид, что внимательно смотрит под ноги, как бы не поскользнуться.

Чтобы она лучше поняла меня, я обстоятельно рассказал обо всем, что произошло в моем доме.

— Простите, — прервала меня Зарифа, — только зачем вы расписываете мне это? Разве я говорила вам когда-нибудь или, может, намекала, что обижена, недовольна?

— Конечно, нет, — поспешил согласиться я, — просто я хотел объяснить, что невольно оказался в сложной ситуации... и чувствую теперь определенную ответственность — и только.

— После смерти вашей жены вы болезненно переживали свое одиночество, я видела это и проявила по отношению к вам естественное человеческое участие... ну и что же, я ни о чем не жалею, любая другая девушка на моем месте поступила бы, я думаю, точно так же... и выводить отсюда какие-то обязывающие заключения просто неуместно...

— Вы, конечно, правы, — остановил я ее. — Я и сам думаю так же... Просто я хотел сказать вам... признаться... если после смерти жены я и думал о ком-то, так только о вас... Наверное, не надо объяснять, почему я не считал возможным говорить с вами об этом...

Зарифа опять усмехнулась, не стала отвечать.

Дальше мы шли молча. Возле трамвайной остановки Зарифа замедлила шаг.

— Уже поздно, — наверное, она ждет вас, волнуется. Вон трамвай.

Поднялись в вагон. Никого, только в углу дремала, спрятав нос в ватную телогрейку, узбечка-кондуктор. Уви-

дев нас, с неохотой подняла голову, сонным голосом объявила:

— Трамвай идет в парк,— и снова задремала.

Там, где трамвай заворачивал в парк, мы вышли.

Я направился было в ту сторону, где жила Зарифа, но она остановила меня.

— Будет лучше, если вы пойдете домой.

— Я провожу вас.

— В этом нет надобности,— искренне сказала девушка.— Да и вам еще далеко добираться. Я уж сама добегу, тут близко, да и улицы спокойные.

— Как же это?..— удивленно протянул я.— Оставляю вас на полдороге, сам уйду? Нет уж!

Зарифа стала передо мной, уперлась в мою грудь обеими руками.

— Нет, Сабит-ака!..— Затем добавила мягче, попросила:

— Не нужно!

На все мои резоны она находила ответ и в конце концов отправила-таки меня домой.

Когда я поднялся в свою квартиру, Надира не спала, гладила мне рубашку на завтра.

— Вы чем-то встревожены? — обеспокоенно спросила она.

— Ничего... Все в порядке. Дела задержали.

Надира поспешила на кухню приготовить ужин, а я отворил дверь в спальню и долго стоял и смотрел на сладко спящего Бахтияра. Потом Надира позвала меня за стол.

Поужинав, я прилег на диване, закрыл глаза.

Рядом со мной села Надира, положила ладонь мне на лоб, спросила:

— Почему вы такой грустный?

Я ничего не ответил.

— Что-нибудь на работе?

Я покачал головой.

Х

Прошло еще недели две. Как-то прихожу я домой, а там сидит незнакомый мне мужчина под шестьдесят. Надира стоит испуганная, скрестила руки на груди, плечом прислонилась к буфету. В лице ни кровинки, длинные ресницы слиплись — видно, только что плакала. У меня сердце упало. Одна рука незнакомца тяжело лежала на колене, другая — на столе. Судя по выражению лица, пришел он не с добром.

Надира грустно улыбнулась.

— Это мой отец,— объяснила она.

Хотя на первый взгляд отец не вызывал симпатии и показался мне агрессивен, я приветствовал его как можно радушнее. Как полагается, расспросил его о семье, о здоровье каждого, о доме, о хозяйстве — все ли благополучно? На все мои вопросы он отвечал сухо и односложно: «Слава богу, неплохо».

— Ты уже приготовила что нужно для плова, Надира? — я повернулся к ней и мигнул подбадривающе.

— Сейчас! — и она бросилась было на кухню.

— Стой! Плов не нужен, садитесь вот сюда! — приказал старик, и Надира снова замерла в испуге.— Разговор есть...

— Если есть о чем поговорить, так это ведь никуда не денется. К чему спешить? — я решил попробовать взять хитростью.— Еще рано, торопиться нам некуда — отведаем плова, подкрепим силы, а тогда уж и побеседуем обо всем. Ступай же, Надира, начинай готовить.

Мне показалось, что гость наш немного поостыл, во всяком случае, вид его сделался несколько менее грозный.

Надира поняла, что отец чуточку смягчился, и в глазах ее заблестели радостные искорки.

— Правильно, дада, немного отдохните, а потом уж пойдете,— умоляюще проговорила она.

— О чем может быть речь! — уверенно вмешался я.— Конечно, пойдете только после плова... Теперь вы полностью в нашей власти. Не зря же сказано: «Гость приходит по своей воле, а уходит лишь по воле хозяина!» Ну иди же, Надира, поторопись, готовь быстрее, я тоже очень проголодался.

В общем, мы с Надирой старику и слова не дали вставить. Я нажимал изо всех сил — на всякий случай. На самом же деле ее отец был, как оказалось, очень тихий и мирный человек. Он даже растерялся от такого натиска. Только что исполненные гнева и жестокости, глаза его сейчас поблескивали едва ли не испуганно, кроткие, как у ребенка.

— У меня готова шурпа,— предложила Надира,— тогда я, может быть, подам ее, немножечко перекусите, а там и плов подоспеет...

— Превосходно! Пойду принесу касы,— объявил я, поднимаясь с места.

На кухне мы с Надирой посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Как хорошо, что ты пришел,— шепнула она мне.— Чего он только тут не наговорил...

— Ладно, не бойся, самое трудное уже позади, теперь будет легче. Да, а может, нам немного выпить? Как он?..

— А удобно это?

На столе разостлали скатерть, появились дымящиеся касы. Мой гость смущенно взялся за ложку. Чтобы он чувствовал себя получше и посвободнее и чтобы не дать ему возможности начать разговор, который неизвестно куда заведет — а он все порывался высказаться,— я пустился болтать о чем попало и в том числе рассказал несколько смешных и поучительных историй, которые случились у меня на фабрике. Постоянно лицо нашего гостя прояснилось, он кивал головой, одобряя мои слова. Неприязненной отчужденности как не бывало.

Когда мы съели примерно по половине касы вкуснейшей шурпы, я словно бы вдруг вспомнил:

— Эх, надо же быть таким бестолковым! Вовремя не догадался предложить!.. Что за дурная голова!

Мой тесть с самой искренней озабоченностью стал спрашивать, что же все-таки произошло.

— Да не догадался, совсем забыл, у меня ведь было немного где-то припрятано, надо же — и на стол не поставил... а то как славно посидели бы, душевно поговорили бы... Сейчас пойду поищу, должна же она отыскаться!

— Да что вы, не надо! — стал возражать тесть.

— Почему, ведь мы же не чужие люди! Когда душе охота немножечко пропустить, какой уж тут грех! По чуть-чуть...

Сделав вид, что ничего не слышит, отец Надиры принялся вытирать полотенцем шею, цветом напоминавшую сушеную дыню.

Вскочив с места, я принес початую бутылку водки, тут же наполнил рюмки и предложил:

— За ваше здоровье!

Тесть, словно желая сказать «ай, как нехорошо», покачал головой.

— У меня никого нет, я вырос сиротой,— продолжал я, и что-то в моем голосе было такое, ну, в общем, отец Надиры стал слушать меня внимательнее.— Мой отец погиб на войне. Прихожу в дома к друзьям, вижу их отцов — и, бывает, такое одиночество чувствую, будто я самый несчастный человек... И мечтаю тогда — вот если бы и у меня был отец! Наверное, мольбы мои дошли до аллаха, вот вы и сидите здесь!

Видно, душа старика встрепенулась, отозвалась живым сочувствием, потому что он судорожно глотнул воздух и, как бы умеряя свое волнение, слегка усмехнулся.

Мы помянули моего отца, потом выпили за здоровье тестя.

Когда я снова наполнил рюмки, отец Надиры заговорил:

— Сынок, я тоже думал, придет ли такое время, когда я буду радоваться, увидев зятя... думал, исполнятся ли мои надежды, мечты о счастье дочери... и вот аллах исполнил мои желания, хвала ему за это! Будьте счастливы, живите вместе до глубокой старости, пусть аллах всегда наделяет тебя удачей и счастьем! Ты, оказывается, очень душевный человек. Я тысячу раз согласен и счастлив!

В это время из соседней комнаты слышался плач Бахтияра.

— Да! Самое интересное-то позабыли, сейчас! — закричал я и, сбегав в спальню, вынес оттуда Бахтияра. — Вот, дедушка, взгляните на своего внука! — и протянул ему малыша.

Тесть мой принял ребенка с волнением, взгляделся в его личико, затем крепко прижал к груди. По морщинистой, напоминающей кожуру грецкого ореха щеке скатилась слезинка.

Надира пришла из кухни за блюдом для плова, увидела Бахтиярчика на руках у деда, заплакала и убежала. Я не знал, куда кидаться, кого утешать.

— Поздравляю тебя, сын, — торжественно произнес старик, вытирая рукавом слезы на глазах.

— И вас тоже поздравляю, дада... поздравляю с внуком!

Тесть еще что-то бормотал, но я уже ничего не мог разобрать: его волнение, его теплое чувство ко мне настолько тронули меня, что я и сам разволновался.

— Дада, — тихо заговорил я, чуть успокоившись. — Мы — и я, и Надира, — мы вместе провинились перед вами. Но мы были вынуждены тайно начать нашу совместную жизнь... Почему? Дело в том, что между нами... — Не зная, как еще объяснить, я взглянул на Бахтиярчика. Тесть тоже перевел взгляд на малыша и укоризненно покачал головой. — Но мы уже давно друг друга... — Не находя нужных слов, я беспомощно обернулся к Надире; она молча, опустив голову, стояла в дверях. — Одним словом, мы любим друг друга...

— Так если любите, не могли разве хоть слово ска-

зять?! — рассердился мой тесть. — Мы ведь тоже люди, поняли бы!

Сдвинув брови на переносице, я серьезно кивнул в знак согласия со сказанным.

— Как я теперь появлюсь среди людей, как подниму перед ними голову? Прежде никому и слова не давал сказать, но вот уже полгода не смею рта раскрыть. Соседи расспрашивают, я отвечаю — мол, дочка уехала учиться, так они только плечами пожимают. Стыдно мне! А мать — та теперь боится через порог на улицу выглянуть... «Чем дочь такую, лучше бы я камень родила!» — вот что она говорит.

Надира тихо заплакала, и я тоже опустил голову, чувствуя себя без вины виноватым.

— Сейчас я ищу место для жилья в другой махалле, и в тот же день, как найду, так и переедем, — объявил в заключение тесть.

— Зачем же вам искать место? — предложил я. — Вот, чем вам не жилье, приходите жить к нам, всем места хватит...

— Э, да кто выдержит в этих клетушках! — оборвал старик. — Ни неба, ни света — задохнуться можно. Такие дома нам не подходят. Сами живите и радуйтесь здесь.

— Дада, — серьезно сказал я. — Понятно, соображения деликатного свойства, связанные с проведением традиционного свадебного обряда, нужно уважать, и я готов...

— Ребенку твоему уже шесть месяцев, а ты хочешь свадьбу сыграть?! — вспыхнул мой тесть. — Свадьба не обязательна, мы переезжаем в другую махаллу, все разговоры утихнут сами собой. Единственно что... ну, аминь! — он развел руками и, прочитав коротенькую молитву — фатиху, объявил: — Поскорее пойду к старухе своей, успокою ее немного. А то, бедная, сидит, наверное, за сердце схватившись. Да и время уже позднее.

Он поднялся.

— Передайте маме привет, дада. Пусть она не переживает, — сказала Надира вслед отцу.

На улице, сердечно попрощавшись со своим тестем, я посадил его в такси; когда красные огоньки машины исчезли за поворотом, у меня вырвался вздох облегчения.

Наша с Надирой семейная жизнь наладилась, была она дружной и мирной. Бахтиярчик быстро подрастал, сделался пухленьким и веселым — каждому хотелось его

приласкать. Если раньше я думал, что скучаю по нему, то теперь это кажется пустяком по сравнению с постоянным чувством тоски, если я не с ним, не держу его на руках. Где бы я ни был, что бы ни делал, он всегда присутствует в моих мыслях. Днем жду не дождусь, когда приеду домой, а вечером занимаюсь одним Бахтияром, даже на Надиру стал меньше обращать внимания.

Но, кажется, ей это пришлось по душе: не только не жаловалась, а наоборот — видя мою любовь к ребенку, чувствовала себя счастливой. И с ее родителями отношения наладились. Тесть продал свой дом и переехал жить в другую махаллу. У него прибавилось знакомых, от прежних забот не осталось и следа. Надира о прежних своих страданиях и горестях не вспоминает и часто смеется.